

Мария БРЕГМАН

ЕЛЧИ

Взяли меня с собой на сенокос, когда мне девять лет было. Сели мы в телегу: я, баба Тоня, сын её Коля и мама с бабушкой. Дядя Коля, крёстный мой, с собой косу взял. Баба Тоня – грабли и вилы. И бабушка с мамой тоже грабли взяли. Вот так и поехали от Челновой до Елчи.

Ехать надо было сначала по большаку, и как кладбище проезжаешь, то налево надо выезжать на лесную дорогу. По ней до высоковольтной линии нужно доехать, и затем минут десять по лесу, и через болото, – там дорога шла. Всего три километра ехать нужно, но лошадь наша быстро не скакала, все я успевала рассмотреть.

Особенно красивая дорога шла, когда выезжаешь из леса на поле, там, где Елчи начинаются. Поля бескрайними кажутся, и неба своим краем касаются. Дорога идёт сразу вверх, на высокий холм. А как на холм забираешься, невероятный вид открывается. Домики разбросаны вдоль леса, в низинке. Леса бескрайние начинаются и поля кругом, разнотравье. Каких только цветов не увидишь: ромашки, колокольчики, пастушьья сумка, клевер, мышиный горошек, всех не перечислишь. Еду я в телеге и любуюсь. А дядя Коля, как будто мои мысли читает, говорит: «Как поле заросло! Одни сорняки».

– Крёстный, почему ты цветы сорняками называешь, – удивилась я.

– Так мы с тобой куда едем? На сенокос. Нашей Крале сена на зиму заготовливать.

А хорошее сено, вот смотри, из вот таких метёлок получается, – показал крёстный на тонкую, словно струящуюся, траву с метёлками вверх. Вот это лучшая еда для нашей коровы, – заулыбался Коля. – А остальное сорняки.

– Баба Тоня, а вы свой дом покажете?

Вспомнила я, что баба Тоня в Елчи девочкой росла, родилась она здесь.

– Нет дома уже, но покажу я тебе дубок мой. Как я любила в тени его босой бегать.

Жёлуди под ноги лезут, а мне смешно это. Высокий дуб, раскидистый.

Тут баба Тоня песню затянула.

– А я в горюшке зародилась... – словно из груди слова выходили, такие родные, о нашей деревне.

Бабушка моя подхватила песню. Я всегда любила посиделки дома с песнями. Хорошо их знала уже все, но петь с взрослыми я стеснялась. У них вон какие голоса громкие, во все горло петь получается, а я на их фоне, как комарик пишу.

– Там летели гусики... – продолжала петь баба Тоня.

Тут Дядя Коля следующую песню баском затянул:

– Ох, болит буйна голова...

По всей округе слышны наши голоса, и эхо нам в такт подпевает. А я уже еду и все о дубе думаю, какой он. У нашего дома в Челновой тоже дуб растёт, как же мама его любит. Подходит к нему и рукой по коре гладит, кора шершавая, тёплая. Словно разговаривают они так. И я посмотрела на неё и тоже теперь с нашим дубом часто говорю, и, если плачу, к нему бегу, успокаивает он меня. А что здесь за дуб, какой он? Если ещё маленькая баба Тоня под ним играла, должно быть огромный он, как в мультфильме «Ёжик в тумане».

– Баба Тоня, деревня же уже близко... Где же дуб ваш?

– Подожди, мы его, как жарко станет, посмотрим, или, как ворочаться станем, он к речке ближе будет. И речку тогда покажу тебе, Елчанку мою.

Так мы не заметили, как подъехали к крайнему дому у леса. Вылезли мы из телеги. Баба Тоня в дом пошла. А я стала поле осматривать, мало здесь красивых цветов, в основном метелки растут, что крестный показывал. Баба Тоня вышла ещё с одной бабушкой, которая держала в руках грабли. Та качала головой в мою сторону: «Зачем ребёнка взяли? Тяжелое это дело, сенокос, целый день здесь на жаре будем».

– Может в дом пойдёшь? – предложила мне баба Тоня.

– Нет, я помогать буду, – твёрдо ответила я.

А крестный уже размахивал во все стороны косой, прокладывая ровный ряд скошенной травы. Подождав немного, мы все тоже принялись за работу. Женщины выстроились в линию и стали траву граблями переворачивать, ворошить ее. А я за всеми шла и подгребала остатки. Баба Тоня часто на меня оборачивалась и похваливала меня.

– Вот смотри, сколько травы ты для Крали сохранила, а то бы на поле она осталась.

Поле, казалось, было бесконечным, после того, как крестный покосил его. А какой же запах от свежескошенной травы, так бы и дышала им, не отрываясь.

Жара становилась все сильнее, тень почти пропала, видно, что солнце обеденным стало. Баба Тоня позвала всех перекусить. Две сумки она с собой припасла. Сели мы прямо на сено, что высохло получше и где небольшой тенок был от кустов.

Две банки достала. Трехлитровую с молоком Крали. И другую литровую с мясом. Это было соленое мясо гуся. Буханку чёрного хлеба порезали. И яйца достали, сваренные вкрутую. Ни с каким дорогим рестораном такой обед сравнить нельзя.

Мы поели, и взрослые прилегли отдохнуть тут же на траву. Надо подождать, пока трава подсохнет, и будем опять её ворошить. Отдохнули мы немного, а я все про дуб думаю.

– Баба Тоня покажи дубок свой, – опять попросила я.

– Пойдём, раз так хочешь, покажу тебе.

И мы пошли по тропинке через овраг, который деревню на две части разделял.

Поднялись мы из оврага, и вижу я поле кругом, а в самом центре дуб возвышается. Словно над всей Елчей он хозяин. Красивый дуб. Я подошла к нему, погладила рукой: такой же, как и мой, шершавый и тёплый, подумала я.

А баба Тоня к речке уже спустилась и меня зовет. Хотелось мне дуб ещё порассматривать, но я бабу Тоню очень слушалась. Ласковая она всегда была со мной, а вот на других и прикрикнуть могла, с характером твёрдый она.

«Какая речка маленькая, а я думала, что все речки, как наш Днепр, широкие, и с высокими песчаными берегами», – подумала я, спускаясь к Елчанке.

А тут, словно тоненький извилистый ручеёк был, заросший травой и кустарником. И запруда небольшая. Я подошла поближе к краюшку и опустила две руки в прохладную воду. Свежесть от реки передалась всему телу.

– А вода какая прозрачная, будто бы из колодца.

– Здесь раньше крыница была. Я девчушкой по воду здесь бегала, – вспомнила баба Тоня.

– Чистая в Елчанке вода, – рассказывает баба Тоня. – Бобры это место полюбили, они запруды делают, переправы. Нужно перейти на другой берег: ищем мостик, что бобры сделали, удобно. В лес мы, когда ходили, вдоль Елчанки шли обычно. Чтобы не за-

блудиться, леса здесь не пролезешь, если заплутаешь. Дикие, и волков много. Деревню мы Волчи называли, а прижилось – Елчи.

Как же мне интересно все было, что баба Тоня рассказывала.

– Баба Тоня, спасибо, что мне показали, – благодарила я, пока мы возвращались обратно к нашему селу.

Да, родина у бабы Тони была красивая, тихая и величественная. Словно в природном дворце баба Тоня выросла.

Так часа два уже без работы прошло, сено подсохло, и мы снова за дело принялись. А день как быстро проходит, солнце уже клониться стало. Баба Тоня забеспокоилась.

– Нужно уже в копешку складывать. А то отмокнет, вечером здесь сыро становится, с Елчанки туманы сильные.

Крёстный вилы взял. Женщины в одну кучу сено гребут, а он в стог складывает да так аккуратно, словно дом из сена возводит. То с одной стороны подложит, то с другой, то вилами прижмёт, то потопчет. Славный у него стог получился, да такой, что ввысь уходит. Только и вижу, как крёстный ловко вилы в сено втыкает, и над головой, словно копёшка появляется, сильный он, сразу помногу берет, носит быстро. Один стог закончил крёстный складывать, за другой принялся. А я подгребаю, чтобы не осталось сено на земле лежать на ночь, отсыреет.

Закончили мы вовремя: потянуло с реки туманом. Вечерело. Мошка уже лезла в глаза, и стоять без движения было нельзя. Около воды её ещё больше, чем на поле, или в лесу. Комаров тоже становилось все больше и больше, на жаре они не любят летать. А вот к вечеру и ночью это их время начинается. Мы засобирались и подошли к нашей лошадке.

– Хорошая, кусают тебя, – погладила я её коричневую мордочку. – Сейчас уже поедем.

Мы сели в телегу и потихоньку поехали в Челновую. Небо окрасилось цветом багрянца, от этого поля тоже изменили свою окраску, цветов уже так много не было видно. Многие закрыли свои тоненькие лепестки и готовились к ночи.

– Красивая какая деревня, – сказала мама. – Жалко дорога плохая, зимой и когда дожди, здесь проехать нельзя.

Уставшие, мы уже не могли разговаривать, хотелось смотреть и смотреть вокруг, и застыть в этом моменте.

– А когда за копной поедем, – спросила я бабу Тоню.

Она одна знала, какое должно быть сено, чтобы хранилось долго.

– Ещё два-три дня поездим в Елчу, ворошить. Как погода будет. Сухо если, то быстро мы его заберём и в пуню положим. Придётся к нам сено топтать?

– Конечно приду, – оживилась я.

Мне любое дело в деревне было интересно. То бабушка за щавелем меня отправит, то за опилками в лесничество, чтобы между луком и в бороздах между грядками посыпать, то иду с лопатой за ферму хрен копать. Но топтать сено это было моё любимое занятие. Заберусь я по лестнице в маленькую дверку в пуне, запрыгну туда и жду, пока взрослые вилами будут сено кидать. Главное, под вилы не попасть. Как кинут новую охапку сена, я начинаю прыгать по нему ногами и, особенно у стенок, хорошо утапывать надо. Весело так. И запах сена какой! Топтать сено – любимое моё занятие.

Когда наступило утро, мы снова все собрались ехать в Елчу. Уже рано не стали выезжать, косить-то лучше по росе, а вот сено раскидывать, когда сухо уже будет и солнце

землю прогреет с ночи. Ещё два дня мы ездили сено сушить, быстро высушили, повезло с погодой. В последний день нам пришлось пешком возвращаться, на телеге сено мы везли, да сверху бабу Тоню посадили, как самую старшую, тяжело ей после трудового дня ещё пешком идти.

– Краля будет зимой довольна, сено мягкое, как вата, получилось, душистое. Из Елчи всегда такое привозим! – радостно сказала баба Тоня, пытаясь со стога слезть. – Ох, умаялась я. Подсоби сынок.

И крёстный быстрыми заботливыми руками снял маму со стога.

– Завтра уже в пуню убирать будем. Распрягай лошадь, поужинаем и на покой ляжем.

А куры, утки и гуси, как хозяйку приметили, все вокруг неё столпились. Краля замычала. Нутрии в клетках забегали. Даже свинья из сарая розовый пятачок в дырочку показала. Все ждали же. Покормить всех надо, по клеткам и по курятникам разогнать, закрыть. Кралю подоить. На стол накрыть. Какой тут отдых.

– Хорошо, когда ехала, дух перевела, – сказала баба Тоня и пошла дела делать.

Помогли мы, конечно, всей гурьбой бабе Тоне и тоже домой к себе пошли. Усталые сильно, но довольные.

Полюбила я сенокос. И всегда стала просится у бабы Тони. Так мы все деревни ближайшие объездили, что подальше от большака были, и к ним только лесные заросшие дороги вели. И в Ковали ездили, и в Новоселье. Жалко, из этих деревень осталась сейчас только Ковали. Новоселье и на деревню не похожа, вместо домов только кучки, поросшие крапивой, остались, даже столбы сгнили. Поля тоже заросли теперь: такой бурьян ни одна корова есть не будет, даже если скосить его. И дороги бы туда не было, если бы не новосельское кладбище. Дома бросают люди, в город уезжают, а вот родных своих нет-нет, да навещают, приезжают, ухаживают за могилками.

А в Елчи четыре дома ещё стоят нежилых, но добротных, с печкой русской. И хлев есть, и пуня. Заводи хозяйство и живи. Да некому. Только светится гордо на одном доме красная советская звезда и ждёт она новых хозяев, старые-то померли все уже.

Когда мы опять в Елчи поехали, моему сыну тоже девять лет было. «Надо же, как и мне тогда, на моем первом сенокосе», – подумала я.

Сын все просил: «Мама покажи мне Елчи», – я и согласилась.

Сели мы с мужем на машину и до Елчинских полей доехали очень быстро, это уже не лошадка, даже рассмотреть ничего не успели.

– Сынок, вот и поля начинаются. Как на холм заедем, деревня покажется.

Но дорога вела только до кладбища.

Еле-еле доехали мы до деревни. Так по бурьяну и проделали дорогу сами, не было её совсем. Подъезжаем мы к домам, а я не могу уже узнать, где мы раньше косили. Иван-чай, люпин да крапива вокруг, все заросло. Бурьян. Да такой что выше роста человеческого.

А я тут о дубе вспомнила бабы Тонином.

– Сынок, как я дуб посмотреть хочу! Помнишь, я тебе о нем рассказывала? На наш дуб похож, что у бабушкиного дома растёт. С которым мы с тобой ходим, разговариваем...

Подъехали мы так к первому дому. Не удержалась я, зашла в дом посмотреть, что осталось. Дверь взломана. Полы все подняты, перевернуто все, видно искали что-то. В таких домах иконы – самое ценное.

Подошла я к красному углу, где, видно, икона была, перекрестилась. Смотрю, бумаги раскиданы. Все исписанные синей ручкой, чернила выцвели уже, но видно, что дневник это. Кто жил в этом доме, теперь только баба Тоня могла бы рассказать, она родом из Елчи. Только похоронена она уже на Елчинском кладбище.

Я аккуратно, чтобы не порвать, открыла страничку и стала читать. Писал кто-то о покойнии, много, несколько страниц писал, и дата стоит: 1987 год, – и время написано, вечер, перед Вербным воскресеньем.

«Согрешила я, Господи, много с соседкой гуторила. А ведь одни мы остались. Как не гуторить. Выйдем мы вечером, сядем на скамеечку и вспоминаем всех, кто рядом с нами в могилках лежат...»

В самую душу те слова мне попали. Жили люди в гармонии с природой, далеко от всех, и храм ближайший в Шестоках только был, это километров в 20 от Елчи. Жили мирно, а о покаянии все равно думали. О душе своей думали. О вечной жизни.

Вышли мы из дома, сели на машину и стали дорогу к следующему дому прокладывать. Доехали, муж посмотрел и говорит: досталось этому дому, даже пола нет, не будем заходить в него. А я все прошусь: давай остальные дома посмотрим. И дуб бабы Тони найти надо мне. И сын тоже: папа зайдём давай... Смотри, как дома заросли, жалко их, стоят пустые. Поедем, зайдём.

Третий дом хорошо сохранился. Видно, побогаче здесь люди жили, в сенцах даже туалет был, не нужно было на улицу далеко ходить. Заходим внутрь, дверь тяжелая, с засовами. А внутри ласточка. Бьется она о стекло крыльями. Мечется. Как же ты, бедненькая, сюда залетела? А если бы мы не пришли? Кто бы тебя выпустил? Выпустили мы её на волю. А я подумала: вот, оказывается, зачем мы такую дорогу проделали до Елчи, чтобы жизнь спасти.

– Пойдём, – говорю я сыну, – к последнему, крайнему дому подъедем.

А сын:

– Мама, мне так этот дом понравился, можно его купить?

– Да как же мы его купим, у кого, – удивилась я. – Не найдём мы теперь хозяина.

И зачем он нам.

– Мама, смотри, здесь даже детская есть.

Мы зашли в маленькую комнату, метра четыре она была. Маленькая, но уютная, и вся мебель из досок сделана была, самодельная. Вместо кровати два яруса досок набито было. Вместо шкафа – полки около стены из досок сделаны и прибиты.

– Пойдём, – говорю я сыну, – папа же ждёт.

– Мамочка, подожди, мне нужно записку написать и повесить.

«Дом куплен. Хозяева живут в деревне Челновая на улице Вишневая 8», – читаю я, что сын написал.

– Все, теперь наш дом, – гордо сказал сын, и мы вышли из дома.

Доехали мы до последнего дома. И вот тут-то я и вспомнила все: наш сенокос с бабой Тоней. Как у дома бабушка нас с граблями встречала. А в двери горела красная звезда. Её я очень хорошо запомнила.

– Сынок, надо было этот дом купить, – улыбнулась я.

– Этот тогда твой будет, – серьезно сказал сын.

И достал ещё один лист бумаги. Написал: «Дом куплен».

И довольный повесил на ручку двери.

Огляделась я. Да... узнать тяжело то поле, но деревьями не заросло, это уже хорошо, легко его восстановить можно. Года за два. Только косить почаще нужно будет.

Сейчас я вспомню, как мы от этого поля к дубу ходили, через овраг шли. Так и пошли мы через бурьян пешком. Еле перелезли на другую сторону деревни. Как же заросло все.

Поднялись мы на горочку, и вижу я: стоит дуб бабы Тони посреди поля, словно и время здесь по-другому идёт. Не меняется оно. Только крепче он стал, видно, ещё более раскидистый, хоть и не такой высокий, как я думала, когда под ним в девять лет стояла с бабой Тоней.

– Вот он, сынок. Дуб бабы Тони.

А сын ручкой гладит: хороший, какой хороший. Словно это лошадка наша стоит. Видно, и деревни не будет когда-то, но охранять эту землю дуб ещё долго будет.

– Ну, всё, поехали, – засобирался муж. – Домой пора, обедать.

А я ещё раз оглядела все вокруг, так хотелось, чтобы в памяти хоть деревня осталась, ведь приедем в следующий раз сюда, и только бугорки, поросшие крапивой, останутся, как в Новоселье. Погибнут дома без хозяев.

Вернулись мы домой.

А сын и говорит:

– Я косу возьму ручную, завтра в Елчу поедем! Надо у моего дома покосить, – подумал немного и продолжил. – И у твоего. У нас же теперь два дома наших в Елчи, ухаживать за ними надо и за дубом бабы Тони.

ЗА ЕЛЧУ ЗА ЧЕРНИКОЙ

Вечерело уже. А бабушка моя засобиралась куда-то.

– Бабушка, ты куда, на ночь глядя? – спросила я удивленно.

– Пойду, обойду соседей, поспрашиваю, кто с нами завтра за черникой пойдёт утром. Одним идти нельзя, я за Елчи собираюсь. А туда только человек семь-восемь, и больше, ходить нужно, толпой не так страшно. Заблудиться там можно, и волки напасть могут. Волчье это место. Елчи – это же заказник. Охраняется он государством. Охота запрещена там. Вот там и развелось их много. А лес какой сказочный за Елчи, бобров много и выхоль живёт. Она в красную книгу занесена. Вокруг переправы они настроили, запруды получились, болота непроходимые. Так что пойдём завтра туда за черникой. Если сейчас людей соберу.

Я очень обрадовалась, что в Елчи поеду, после сенокоса я полюбила эту деревню, никак она меня не отпускала. А что бабушка людей соберёт, я точно знала, умела она уговаривать, не зря директором продовольственного комбината работала в Москве, с четырьмя классами образования бабушка туда устроилась. Очень хорошо работала, долго. Как говорил ей её начальник: «Маруся, вот двадцать человек на твоё место поставь, и то не потянут». Такая у меня бабушка была.

Часто она мне рассказывала про свою жизнь. Очень я любила, когда садились мы за стол, и бабушка начинала рассказывать истории из своей жизни. Я уже их хорошо знала, но каждый раз бабушка что-то добавляла: то разным тоном рассказывала, – от этого они ещё интереснее становились, и я могла часами слушать их.

Вернулась бабушка, когда уже стемнело совсем.

– Вы что, не спите? – спросила бабушка у нас с сестрой. – Завтра в пять вставать будем. В пять тридцать уже соседи выходить будут на дорогу. Вместе пойдём.

И стала нам молитву на ночь читать. Всегда мы со словами этой молитвы засыпали: «Спать ложусь, Богу молюсь...»

Проснулась я от бабушкиного голоса.

– Дети, вставайте.

Мне так хотелось спать, что я забыла, как вечером я хотела в лес за Елчи. Но вставать меня бабушка учила на раз-два-три, всегда она говорила: потянуться потом успеете. Я вскочила и сидела на кровати, потирая кулаками свои сонные глаза.

– Иду, бабушка, иду.

А на столе на кухне уже стояла яичница на сале, порезан был чёрный хлеб и чашка с водой. Я быстро умылась и пошла кушать, а бабушка собирала мне одежду. В лес всегда мы одевались по-особому. Джинсы, рубашка, резиновые сапоги, сверху белый халат надевали, чтобы комары да водни меньше цеплялись, платок на голову и на шею повязывали. Волосы надо было хорошо спрятать, чтобы клещей не насобирать в лесу. И опоясывались сверху халата верёвкой, туда корзину привязывали, чтобы легче носить было, когда собираешь, и руки свободные оставались.

Бабушка подготовила одежду и начала рюкзак собирать. В лес мы всегда тщательно собирались, а уж так далеко, если идти, надо было все продумать. В рюкзак бабушка всегда клала бутылку воды, немного, потому как это не главное было. Если что, воду в лесу найти можно, и чернику поесть, если пить захочется, и кислицу нарвать, она вместо воды всегда хорошо идёт в лесу, кисленькая такая. Костяника тоже хорошо жажду убирает. А вот спички в нашем рюкзаке главное место занимают, бабушка их всегда брала на случай, если придётся заночевать в лесу. Заблудиться-то легко. А вот выходить из леса сложно. У костра и согреться можно, и главное, от зверей защититься. Ещё бабушка нож брала с собой и еды немного: хлеба чёрного, сала и печенья.

Оделись мы, собрались и вышли из дома. На дороге уже стояла Шупина и поджидала всех остальных. Шупиной было лет шестьдесят пять, но она была крепкая, как из стали сделанная. Бывало, выйдешь на улицу, а она идёт из леса в руке ведро держит, полное грибов, а на плече берёзу несёт и другой рукой придерживает. Береза такая, что обычно её трактора нам привозили для дров. Большое дерево было. Просила бабушка потом мужиков распилить его за бутылку водки. А уж колоть всем нам приходилось понемногу.

Как встанешь поутру, топор в руку, на пенёк ставишь другой пенёк, прицелишься хорошенько, чтобы в сук топор не попал и рубишь изо всех сил. Если дровина не отлетает, приходилось топор переворачивать вместе с чурбаном и колотить так, пока топор не освободится. Хорошо у нас с сестрой получалось дрова колоть. Только за топор мы часто ругались, один он был, а нас-то двое, и каждому вперёд другого хотелось начать. Сложим дрова в дровник, и дело сделано. Вот сколько нужно было, чтобы дрова получить. А Шупина все сама делала. И приносила, и пилила, и рубила.

Так вот с Шупиной никому не страшно было в лес ходить, силы она была богатырской женщина.

Дождались мы остальных троих женщин и отправились в путь. Машин тогда ни у кого не было, ещё поэтому всюду мы пешком ходили, до Елчи километров пять надо

было идти. А как до деревни дойдём, уже сложная дорога начинается. Через речку перейти надо и идти вдоль неё по тропинке через кустарники.

Вот идём мы друг за дружкой. Шупина впереди, баба Тоня, Бакутина, потом сестра моя Оля, я и бабушка в самом конце. А я все пытаюсь ногу в ногу идти по следам за Олей. Весело мне, иду-иду и опять сбиваюсь. Вот повернули мы от речки в сторону леса. Трава выше меня, с крапивой. Только уворачиваться приходится, чтобы не обстрикала.

А вот и бор! Ради него мы всю огромную дорогу проделали. Удивительное место! Вековые ели и сосны ввысь уходят, а внизу под ними черничник растёт, а ягоды какие, крупные, сочные, человеком нетронутые ещё.

Разбрелись мы немного в стороны, и ходим каждый свои кучки обираем. Корзинку я привязала, и двумя руками так и сыплю ягоды в неё, словно сама она туда прыгает. Ещё солнце высоко не поднялось, а у нас уже и ведра, и корзины все до верха в чернике были.

Довольные, мы сели передохнуть. А попробуй посиди в лесу, заедают тут же. Даже хлеб в рот не возьмёшь, иначе с комарами наешься. Пять минут и смогли только посидеть.

– Пошли домой, – командным тоном сказала Шупина.

Она у нас проводником была, она все леса хорошо знала и ходила везде одна, – только в этот бор за Елчи боялась ходить. Вот и пошли мы. Опять гуськом выстроились и друг за дружкой идём. Я уже и голову поднимать не успеваю, только под ноги смотрю, быстро идём, домой всем хочется, обедать.

И тут на тропинке нашей дерево лежит поперёк. Хотела Шупина его перелезть да не смогла, пыталась под него залезть, тоже не получилось. Пришлось нам его обходить. А корзинки и ведра тяжелые, сквозь кустарник пролезаешь, последние силы теряешь. Ну ничего, обошли мы его и дальше быстрее опять пошли. Чувствую я, уставать сильно начала, а признаться бабушке боюсь. Ни одна же я, что же теперь, всем ждать меня придётся? Стараюсь все равно успевать за всеми, хоть и тяжело.

И вдруг слышу впереди Шупина ругается сама с собой. Голову подняла и глазам поверить не могу. Стоим мы все снова у того же поваленного дерева, и тропинка наша видна, где мы через кусты лезли, его обходили. Вот тут мне страшно стало. Я даже внутри плакать начала тихонько. Но, конечно, виду не показываю.

– Что, заблудились мы? – бабушка Шупину спрашивает.

– Да видно мы круг большой сделали не смогли к речке нашей дорогу найти.

– И куда же нам идти тогда? Маруся, что думаешь? – спросила бабушка Шупину.

– Не знаю я. Не пойму уже в какую сторону идти нужно. Придётся вылезать наобум.

– Что ты! Здесь же леса непроходимые, ещё больше в глушь уйдём. А там болота начнутся и поля, затопляемые возле Днепра. Мне егерь часто про эти места рассказывал. К Днепру не подойти здесь. И дорог тоже на десятки километров нет близко. Только чаща глухая и болота. Нужно нам думать, как выходить отсюда.

– Думай не думай, не знаю уже я дорогу, – отрезала Шупина.

А мы с Олей только переглядывались, очень испугались.

– Надо это дерево заметить и от него будем пытаться в разные стороны вылезать, чтобы совсем далеко не зайти нам, – бабушка сказала. – Не найдём места знакомые, значит обратно вернёмся к этому дереву и в другую сторону искать пойдём.

Так и решили. Я уже и забыла, что устала сильно. От страха силы появились. Смотрю, солнце сквозь ветви деревьев высоко совсем стоит, в зените. День в разгаре уже,

торопиться надо. Как клониться солнце начнёт, потемнеет тут же в лесу. Словно ночь наступит. Тогда только ночевать нам здесь останется, выбраться по темноте уже не сможем.

Как же хотелось мне уже корзинку мою перевернуть, сил не было её нести уже. Зачем, думаю, так много набрала. Но что делать, надо нести. Отошли мы вглубь от замеченного дерева километра два и видим, просвет начинается. Словно впереди уже деревня Елчи проглядывает. Мы чуть не бегом туда. Обрадовались. Идём повеселевшие, только слышу впереди снова Шупина себя ругает. Болото впереди! Значит не в ту сторону полезли, в сторону Днепра. Здесь мы никак не вылезем. Повернулись мы обратно к нашему дереву сваленному. Притихшие, усталые идём. Только голос Шупиной все слышу, как она себя ругает. И говорит, что ни за что сюда ходить не станет больше. А ещё и людей завела.

– Ничего, Маруся, выйдем, – поддержала её бабушка. – Не переживай, мои внуки закаленные, и в лесу переночевать, если что, смогут. А наутро встанем и с новыми силами дорогу найдём к дому.

Я уже начала представлять, как же ночевать здесь. Комары, сыро, холодно ночью будет. Волки да медведи кругом. На мох же не ляжешь, влажный он. Тем временем подошли мы опять к нашему дереву. Даже спокойнее стало, уже дерево родным таким показалось.

– Полезем теперь в другую сторону, – скомандовала Шупина.

Сил совсем не осталось, а что сделаешь. Выходить как-то надо.

Иду я, еле-еле ноги передвигаю, рукой в корзинку вцепилась, так что иголками она пошла уже, но не отпускаю. Слышу, сзади бабушка к хозяину леса обращается.

– Лес, лесочек, хозяин-ходуночек, помоги нам набрать, никого не увидеть.

Три раза так прочитала. И только последние слова закончила, как Шупина крикнула: «Нашли!»

Она так же это сказала, как «Пошли!». Командным тоном, ровно, без особых эмоций, я даже сначала подумала, что она нас зовёт быстрее за ней идти, солнце уже за деревья спряталось, и быстро темнело.

Но бабушка моя подхватила: «Вышли, Слава Богу!».

Вдалеке виден был просвет, но не такой, как мы к Днепру вылезали, а наш, с речкой Елчанкой. Каждый кустик знакомым показался, а вот и наша тропинка вдоль речки, которая нас к деревне выведет. Когда мы дошли до речки, сразу посветлело, бор такой величественный, но оказавшийся в этот раз таким недружелюбным и зловещим, остался позади. Солнце ещё ярко светило. Словно второй день уже начался.

Что у меня творилось в душе, не передать! Я словно родилась заново, шла быстро, чуть не вприпрыжку, забыв об усталости.

Я наслаждалась видами кругом. Деревней Елчи. Домиками и песчаной, но такой хорошей дорогой до Челновой. Бабушка уже напевала песню. Только Шупина была такая же хмурая. Словно и не рада была, что дорогу нашла. Шла она твёрдым шагом, голову немного опустила, чтобы под ноги смотреть, и молчала. Я поняла, что очень она устала, да и сама по себе она такая была, эмоций не любила проявлять.

Так дошли мы до большака. Уже табличка с надписью Челновая была видна. А я все не верила, что мы уже домой подходим. Распрощались мы со всеми, и мы с Олей

вперёд побежали к дому. Смотрим, уже кошка наша на заборе сидит, ждёт нас. Замурлыкала нам радостно так.

– Золка, вот мы и дома, – погладила я кошечку.

Мы с сестрой сели прямо на крылечко и стали бабушку ждать.

– Так ключи, наверное, под крыльцом, что мы сидим? – заговорила Оля.

– Точно, – сказала я, засуну руку под крыльцо и нащупав там холодные, железные два ключа, связанные холщовой веревкой. Открыли мы дом, зашли, чернику в сенцах на скамеечку поставили.

– Пошли, бабушке поможем чернику принести, – предложила я.

И мы, сняв сапоги и белые халаты, весело побежали босиком по тёплой песчаной дороге. Вот и нет усталости, и страх совсем забылся, уже можно опять в лес идти.